

Лин Картер Лохмотья Короля

Предисловие Роберта Прайса

Лин Картер (1930-1988), большой поклонник фэнтези, редко когда мог устоять перед искушением внести свой собственный вклад в любимый жанр. Вот три подобных фрагмента, посвящённых мифологии Хастура, Хали, Каркозе, и Королю в Жёлтом.

Первый, «Литания Хастуру» (Litany to Hastur), представляет собой четыре последовательных сонета из цикла «Сны из Р'льеха» (Dreams from R'lyeh). Под таким названием они появились в антологии «Отродья Ктулху» (The Spawn of Cthulhu). Здесь Картер собрал различные элементы, относящиеся к Хастуру и развитые Дерлетом, но не использованные им одновременно в каком-либо из своих рассказов.

Второй, это начало безымянного текста, помеченного как «Что рассказывают в Каркозе о Хали» (Carcosa Story about Hali). Этот фрагмент примечателен попыткой Картера систематизировать различные элементы мифологии Хастура: он объединил придуманного Бирсом мудреца Хали с Каркозой и Альдоном из произведений Чемберса, а также Хастура Невыразимого с Древними божествами Дерлета, и т.д. Как и в большинстве подобных случаев, писательское рвение Картера привело к большому перегруженному тексту, написанному с малым литературным изяществом.

Третий фрагмент, от 16 мая 1986 года, в котором Картер попытался переработать текст версии «Короля в Жёлтом» (The King in Yellow) Джеймса Блиша в иную поэтическую форму. Результат вышел довольно интересным и заслуживает того, чтобы быть напечатанным. Заметки указывают на то, что Картер намеревался просто переработать пять отрывков из текста Блиша, в которых Кассильда рассказывает королевскому Ребёнку историю Хастура, Алара и Каркозы. Мне это показалось неуместным, поэтому, в целях более точного перефразирования, я предложил заменить текст на стихи в соответствующем порядке, указанном в скобках. Но Картер пропустил это, начав с указанных частей текста Блиша. Я сохранил нумерацию его строк.

«Литания Хастуру» впервые появилась в мартовском выпуске журнала «Амра» (Amra) за 1965 год. «Что рассказывают в Каркозе о Хали» дебютировал в сборнике «Пнакотических фрагментов» (Pnakotic Fragments) 1989 года. «Король в Жёлтом: Трагедия в стихах» (The King in Yellow: A Tragedy in Verse) появилась в первом издании антологии «Цикл Хастура» (The Hastur Cycle) 1993 года.

Перевод: Алексей Черепанов

Редактура: Алексей Лотерман

2018-2019 год

Литания Хастуру

XX. Чёрный Лотос

Мастер круга колдовского мне вручил фиал
С опиатом страшным; он ключом мне стал
К тем вратам в мир снов, что открывают
Вид на море архидревнего тумана,
Чёрных берегов, что тянутся на мили,
Каменных столпов, что возводили
Руки грубые, направив в небо их
К звёздам незнакомым, серым лунам,
Что восходят в небе и сияют
Прокажёнными, холодными огнями.
Моё я сновидческое мчалось
Сквозь глубокие космические бездны.
Миновав Хаддит, что демоном захвачен,
Где в глубинах среди гнили дремлет
Отвратительный пугающий шоггот.
Я увидел место своей смерти –
Вот откуда взялся чёрный лотос.
Здесь он цвёл, и, я дурман вдыхая,
Смерти ждал, шоггота проклиная.

XXI. Невыразимое

Испил я мёда золотого, совершая ритуалы,
Прочитанные мною в древней книге.
Проснулся ветер за окном, и вязы задрожали
От трепыханья небывалых крыльев.
Из пропасти космической явился монстр
На мышь летучую похожий,
С железным клювом, с чёрной кожей –
Пылал огнями ада его взор,
Огромный мрачный Бьякхи это был,
Прибывший с берегов туманного Хали.
Я сел ему на спину, взмыл он ввысь,
И мы сквозь тёмный космос понеслись.
Среди Гиад мы, наконец,
Достигли мрачного, мифического мира,
Что ненавидят боги, ну а людям
О нём и вовсе знать запрещено.
Каркоза, где великий Хастур – Повелитель.

© ВКМ-2013

XXII. Каркоза

Я эту сцену знал, я видел её раньше –
Бесплодное, пустынное, тоскливо пространство,

Через которое я брёл во сне, как в трансе.
И там, в великолепье мрачном,
На берегу Хали, чьи воды так темны,
Я город видел безымянный,
Чьи купола и башни монолитные из тьмы
Передо мною выступали как менгиры
Друидов в зачарованном лесу.
Я, кажется, почти не помню этих улиц
И стен домов, среди которых я вслепую
Блуждаю по запутанным тропинкам,
Под небом, где таинственные звёзды
Свет чёрный излучают, как во сне безумном.
Но сон ли это? Я не знаю.
Да, здесь я слышал, как поёт Кассильда,
И видел Короля в лохмотьях жёлтых
Что развевались на ветру!

XXIII. Кандидат

Я шёл по тёмной улице из монолитов
С проводником – безмолвным существом,
Что неуклюже рядом ковыляло,
Указывая путь к воротам страшным.
Здесь перед молчаливым стражем,
Я жертву нечестивую принёс,
Произнеся те имена, звучание которых
Давно забытое вокруг отзывалось эхом.
Врата открылись, я вошёл без страха.
Судьба, иль звёзды, или роковая гордость
Заставили меня прийти в то место.
Стоял один я обнажённый,
Приняв обет перед Престолом Древних.
А Он смеялся, мантия его
Изодранная распахнулась...
Не спрашивай и не пытайся
Узнать тот ужас, что скрывался
Под *Бледной Маской*!

Что рассказывают в Каркозе о Хали

I. Ныне, в конце первого года Ужаса произошло событие, о котором Те, Кто Правят с Бетельгейзе, посредством снов предупредили Своего Слугу, самого некроманта Хали, которого прозвали Хали Мудрый. И вот он встал и покинул Извечный Город, и какое-то время бродил в пустыне под лучами солнц-близнецов и странными лунами, освещдающими небеса того мира Каркозы, что в Гиадах, и где жил Летописец, записавший эту историю. И, наконец, теперь, когда могилы перестали укрывать мёртвых, и те бродили по улицам, преследуя живых, для такого некроманта, как Хали, сбежать из города было мудрым решением.

II. Случилось это в те дни, которые последовали сразу же после появления того Призрака, что возник из Пустоты, бывшей до самого Времени и которая находится за пределами Космоса. Призрак вселил Страх в сердца всех тех, кто обитал в тени Извечного Города, и произошло это в первые годы правления Альдона, ставшего Последним Королем Извечного Города, по крайней мере, до Пришествия туда Короля в Жёлтом, как это было предсказано ранее явившимся Призраком Истины.

III. В какой-то момент времени Эльхалин, жрец Старших Богов в Извечном Городе, вспомнил, что Хали Мудрый много писал в своём Завете о предвестниках Проклятия, которое сейчас поразило Город Альдона. Хали предсказывал, как всё изменится: «Ибо смерть вызывает куда большие изменения, чем может показаться. Хотя чаще душа возвращается обратно, и порой её видят во плоти (появляющуюся в том же облике, что и при жизни), но случается и так, что само тело бродит без души. И поведано теми, кто знал их при жизни, что у таких восставших мертвецов нет ни былых привязанностей, ни воспоминаний, лишь ненависть. Известно также, что некоторые души, которые при жизни были добрыми, после смерти становятся совершенно злыми».

IV. Так написал Хали Мудрый, и этот текст Эльхалин принёс Королю Альдону, поскольку этому жрецу Старших Богов стало ясно, что если некромант так глубоко посвящён в Тайны Смерти, он может достаточно знать и о причинах проклятия, которое теперь преследовало сами улицы Извечного Города, по которым бродили бормочущие мертвецы, а живые бежали в страхе. Король согласился с тем, что живым и мёртвым не должно встречаться, ибо каждый должен жить в своём мире, и Альдон прямо дал понять Эльхалину, что жрец должен отправиться на поиски некроманта Хали, в каком бы далёком и сказочном месте тот сейчас ни находился.

V. Какое-то время мудрец Хали бродил по той пустоши, в которой не жили люди, подобные ему, но только пугливые и скрытные Йуги, которые редко попадались на глаза смертным, и то смутно, и издали. Эти странные и любопытные существа, Йуги, особенно интересны тем, что они ходят на трёх ногах, а не на двух, и в весьма необычной манере. Также в этих местах обитали отвратительные Бьякхи, которые строили свои гнёзда на вершинах, окружающих эту пустыню. Но Летописец ничего не пишет о Бьякхи, из-за ужаса, который они наводят, и говорить об этом вредно для рассудка.

VII. Вскоре мудрец построил хижину, или скорее лачугу на унылых берегах Чёрного Озера, которое совсем не походило на другие озёра, которые можно найти в этом мире Каркозы в Гиадах; потому что воды его были темны, как смерть, и холодны, как ужасное пространство меж звёзд, и ничто, состоящее из обычной плоти, не обитало или не могло обитать в мрачных и зловещих глубинах этого озера. И говорят, что холодный и липкий туман стелется над жестокими водами Чёрного Озера, подобно тому, как саван покрывает гниющий труп. Этот туман колыхался туда-сюда одновременно с кружящимися чёрными звёздами и странными лунами Каркозы, и жители Извечного Города называли это «облачными волнами».

VIII. Люди шептали, что эти облачные волны навсегда спрятали от глаз людей Чудовищное Существо, которое свалилось на Каркозу с давно исчезнувших звёзд, и случилось это за бесчисленные эоны до нашего времени, и что Существо всё ещё живое, хотя и дремлет: оно просыпалось лишь один раз, мучимое страшным голодом. И мудрецы сказали, что этот Обитатель Глубин является отродьем самого Азатота и даже сводным братом Ужасного Ктулху, Повелителя Великой Бездны, и что Существо из Озера совокупилось с Чёрной Козой с Тысячей Младых, да, той самой Шуб-Ниггурат; и от этого адского, похожего на облако Создания родились Мерзкие Близнецы – Нуг и Йеб. И решено было, что неблагоразумно людям произносить вслух Имя этого Существа из Озера, поэтому оно стало известно как Невыразимый.

VIII. Наконец, Эльхалин разыскал лачугу, в которой поселился некромант, и рассказал Хали Мудрому о бедствии, поразившем Каркозу, о мёртвых, что поднялись из могил и бродят по улицам, пугая горожан (даже тех, кого они сами любили и лелеяли, когда были живы). Хали, задумавшись на некоторое время, наконец, изрёк свою мудрую речь: «Знай, о Эльхалин, существуют разные виды смерти – в некоторых тело остаётся, а в других случаях оно совсем исчезает вместе с душой».

IX. И ещё сказал Хали: «Так вот, исчезновение обычно происходит только когда умирающий остаётся в одиночестве (такова воля Старших Богов), и никто не видит его смерти. Мы говорим, что человек пропал без вести или отправился в долгое путешествие, и это действительно так; но иногда исчезновение тела происходило на глазах у множества людей, чему есть много свидетельств. В одном из видов смерти умирает лишь душа, и известны случаи, когда тело после этого продолжало жить много лет. Иногда, как это достоверно подтверждается, душа умирает вместе с телом, но через сезон, душа снова возникает в том месте, где разложилось тело». Так говорил некромант Хали жрецу Эльхалину.

X. Теперь, наконец, в ходе их разговора выяснилось, что среди тех Мёртвых, которые бродили по улицам Извечного Города, опознали даже людей, ранее принесённых в жертву Существу из Озера. Услышав об этом, Хали Мудрый серьёзно задумался. Даже такой некромант, как он, знающий множество видов и форм смерти, был сильно озадачен и удивлён таким проявлением закона мёртвых, с которым раньше Хали никогда не встречался.

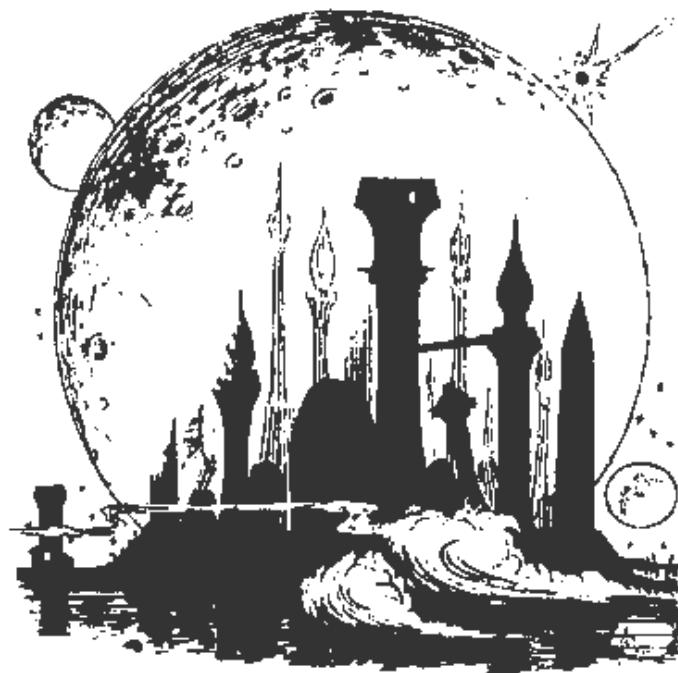
XI. Хали Мудрый давно знал об отвратительном обычай, во время которого определённых жертв связывали и бросали в жестокие глубины Чёрного Озера. Они предназначались для того, чтобы утолить голод Того, Кто Спал Под Водой, и долгое время некромант Хали

ненавидел и отвергал этот обычай. И теперь, когда ему открылось, что среди тех мёртвых, что восстали и снова бродят по тенистым улицам Извечного Города, были и те, кого скормили Существу из Озера, у Хали появилась важная причина задуматься над этим.

XII. Ведь таким, как Хали Мудрый, хорошо известно, что Существо, которое в древности свалилось в Черное Озеро, было самим Хастуром – Хастуром Невыразимым, Тем, Кто Не Может Быть Назван – Великим Правителем Древних, устроивших мятеж против Старших Богов. Не скованный в глубине Чёрного Озера в эти дни был Хастур, но скрытый в нём, настороженный и боящийся быть обнаруженным теми, кого он предал и от кого сбежал. Очень сильным и могущественным был Хастур Невыразимый. Он превосходил по силе любого обычного смертного...

XIII. И в ту же ночь под блеском чёрных звезд и прокажённым сиянием странных лун Старшие Боги прошептали наставление во сне Своему Слуге, некроманту Хали. Но о чём сказали ему Боги, Летописец не знает и потому не может описать. Но на следующее утро, говорят, некромант стал обыскивать скалистые утёсы и нашёл среди них некий серо-зелёный камень, название которого Летописцу неизвестно; и что из этого камня некромант, терпеливо трудясь, сделал определённые знаки и сигилы. Это были пятиконечные звёзды с притупленными лучами, и в самом их центре Хали вырезал символы, похожие на ромбы, открытые с обоих концов, а внутри них – фигуры, подобные Башням Пламени.

XIV. ...

Король в Жёлтом
Трагедия в стихах
Лин Картер, по Джеймсу Блишу

Сцена I

УОТ: О, эта бесконечная и самая унылая осада!...
Мадам, мама, это ты? Добрый день.

КАССИЛЬДА: Добрый день и тебе, мой мальчик; и до свидания, день.

УОТ (себе): Она расстроена; я поговорю с ней.
Неужто ты совсем одна здесь на балконе?
Боюсь, ты снова смотришь на Каркозу.

КАССИЛЬДА: Никто не может видеть, мальчик мой, Каркозу,
Пока Гиады не взойдут и не прогонят вечерние тени.
Нет, я смотрела лишь на облачные волны тумана.
Хали поглотило так много дней...

УОТ: И мы увидим, как оно поглотит ещё больше!
Туман ночной на озере заразой дышит,
Он заползает в каждый уголок
Подобно мерзкому шпиону иль убийце.
Вернись в дом.

КАССИЛЬДА: Ах, нет, ах, нет, не сейчас, Уот.
Я не боюсь ни твоего ползущего тумана, ни заразы,
Ни подлого шпиона, ни притаившегося убийцу;
Но меньше всего я боюсь времени, – убийцы из убийц!
Я много раз видела туманы над Хали.

УОТ: О, Хали, эта бесконечная осада!
Если бы твоё озеро хоть раз поглотило Алар
Вместо того, чтобы поглощать бесконечные дни.

КАССИЛЬДА: Хали не может сделать этого,
Так как Алар царствует на Дехме,
А Дехме – это совсем другое озеро.

УОТ: Одно озеро очень похоже на другое, о моя мать!
Чёрная вода и серый туман, белые кости на дне,
Утонувшие моряки спят в ложах из ила;
Их холодная, онемевшая плоть, покусанная рыбой,
Лежит на кучах жемчуга.

Да, туман и вода; вода, туман.

Алар и Хастур могут поменяться местами между двумя рассветами,
Никто не заметит. О, это два худших города в мире...

КАССИЛЬДА (с иронией): Они являются единственными городами в мире,
Поэтому они находятся в худшем положении.

УОТ: Кроме Каркозы.

КАССИЛЬДА: ...Что? Ты что-то говорил?

Уот, я устала от этих примитивных игр в слова,
И я больше не уверена, что Каркоза
На самом деле существует в этом мире.
Может быть, она соскользнула со своего причала,
И уплыла по течению в глубокое,
Смертоносное, тёмное царство кошмара.
Во всяком случае, мой прекрасный Принц,
Нас это мало касается; всё это пустые разговоры.

(Входит КАМИЛЛА)

КАМИЛЛА: О, я...

КАССИЛЬДА: Входи, Камилла; входи, Камилла, слушай!
У нас больше нет никаких секретов,
Ибо все замыслы и планы устарели,
И время остановилось.

(Входит ТАЛЬ)

ТАЛЬ: Мама, ты продолжаешь говорить вздор?

КАССИЛЬДА: Да, Таль, если тебе нравится это так называть.
Что касается бедной Кассильды, то есть меня,
Что ж, я всего лишь Королева, бледная, грустная Королева,
Надо мной можно издеваться, если это вам в радость...

ТАЛЬ: Нет!

Я клянусь, что никогда не хотел насмехаться
Над моим источником существования; нет!

УОТ: Ну, издевательство или нет,
Принц Таль произнёс верные слова.
Вздор, говорю я!
Время не стареет, не истончается и не останавливается.
Потому что время непреклонно; по крайней мере,

Его бесконечные, утомительные часы тяжелы как свинец.
Как время может остановиться?
В тот час, когда изменятся меры,
Всё переменится навсегда;
Наступит неустойчивое время!
Остановка времени противоречит сама себе,
И как может само время противоречить себе...

КАССИЛЬДА (устало): Время останавливается.
Есть пауза, когда все устают,
Когда весь мир начинает стонать,
Дыханье перехватывает, время останавливается,
Да, Уот, время останавливается,
Когда ты слышишь те глупости,
Что повторяются снова и снова.
И когда случалось что-то новое
В этом скучном, пыльном, сером Хастуре?
Может, новые слова, мысли, новые лица, формы,
Или то, что мы не слышали, не видели, не трогали
Десятки тысяч раз до этого?
Осада, как вы сами неоднократно замечали, бесконечна.
Ничего не поделаешь.
Ни Хастур, ни Алар не смогут победить;
Мы будем находиться в тупике, пока унылый мир
Не утонет в воде или в пыли;
Оба города превратятся в прах,
Или мы будем зевать, пока не умрём от скуки.
Сожалею, Уот; боюсь, что всё, что ты сейчас делаешь,
Напоминает мне о том, что у людей нет будущего.
Даже будучи ребёнком, ты был немного непонятлив.
Да, немного глуповат.

УОТ: Что ж, ты можешь говорить
Обо мне, что угодно, ибо у Королевы
Всё ещё есть древние привилегии.
Но не всё время и не все дни ушли в прошлое.
По-прежнему есть мир будущего, Кассильда,
Всё ещё наступает завтрашний день,
Будет рассвет, и часы, идущие к ночи.
О, Королева, в твоей власти изменить наш мир,
Разве ты не устала от всех нас, и больше всего от себя самой?

КАССИЛЬДА: О боже!
Мы опять должны говорить о престолонаследии?
Как будто нам недостаточно наскучила осада.
Нет ничего скучнее династий.

ТАЛЬ: Мадам, должна ли Династия умереть только потому,
Что Королева скучает? Только одно твоё слово –
И Чёрные Звёзды снова взойдут.
Что бы ты ни говорила, моя мать,
Алар падёт и исчезнет раньше,
И ты это прекрасно знаешь.
Это был бы... это был бы акт милосердия к людям.

КАССИЛЬДА: К кому? Людям! Кто они?
Ты также мало заботишься о них, как и Уот;
Да, Таль, я читаю твоё сердце, как страницу книги.
Я знаю твоё сердце, также как и его.

УОТ: Ну, раз тебе известны наши помыслы,
Есть ли то, чего ты не знаешь?

КАССИЛЬДА: Корона означает только это для вас обоих,
Она означает вашу сестру; да, и ничего больше.
Кроме неё не осталось награды,
Не велика честь быть королём в скучном Хастуре!
Что касается твоих Чёрных Звёзд, достаточно о них!
Они светят только ночью, и не более того.

ТАЛЬ: Я держу сердце Камиллы.

УОТ: Ты лжёшь!

КАССИЛЬДА: Неужели?

УОТ: Ну, спроси её, если ты смеешь.

ТАЛЬ: А кто посмеет? Без короны?
Не притворяйся более смелым,
Чем ты можешь быть, брат мой Уот.
Или ты нашёл Жёлтый Знак, храбрец?

УОТ: Замолчи, ты дурак!

КАССИЛЬДА: Прекратите эту ссору,
Вы лаете, как собаки...
А я спрошу у неё.

ТАЛЬ: Она не готова к вопросам, мадам.

КАССИЛЬДА: Не готова, говоришь, Таль?

Я говорю, что готова.
Камилла, дитя, подойди ко мне;
Теперь откинь свои бледные волосы с ещё более бледного лица;
Знай, что ты можешь получить корону, стать Королевой,
И выбери одного из братьев, чтобы он стал твоим супругом.
И, таким образом, Камилла положит конец всем нашим проблемам.
О, как я искушаю тебя, как я искушаю вас всех!
Так продолжалась бы Династия,
По крайней мере, ещё одна жизнь может быть добавлена
К сумме всех прошлых жизней,
В сером и древнем, мрачном Хастуре.
И мы тоже были бы свободны от этого коварства:
Да, может быть, закончится осада...
Ну, давай, Камилла, говори!

КАМИЛЛА: О нет, нет. Пожалуйста!
Не давайте мне страшную корону.
Я не хочу нести её бремя на своей голове,
И не хочу держать эту тяжесть в своих беспомощных руках.

КАССИЛЬДА: Я тебя не понимаю: скажи, пожалуйста, почему?

КАМИЛЛА: О, страх, о холодная серая тяжесть страха
В моём дрожащем сердце. Тогда мне...
Тогда мне пришлют Жёлтый Знак.

КАССИЛЬДА: Может быть. А может быть и нет.
Возможно, это всего лишь сон, ложь, миф, страшная иллюзия.
Должны ли мы верить праздным runам, которые шепчут об этом,
Или издеваться над ними, возвращаясь в царство снов?
И если тебе пришлют Желтый Знак, что тогда,
О болезненный и испуганный ребёнок, что тогда?
И разве будет такой уж ужасной
Эта странная, сверхъестественная гибель, о которой ты мечтаешь,
В твоих снах о неясной и незаметной смерти,
Которая вовсе не смерть, а что-то более странное...
О, Камилла, скажи, что всё-таки происходит,
Когда кто-либо получает Жёлтый Знак?

КАМИЛЛА (шепчет): Он приходит через какое-то время ночью;
Для чего приходит, мама, я не могу сказать,
Но обязательно, обязательно приходит.

КАССИЛЬДА: Это я слышала, но никогда не видела, чтобы такое случалось.
Чудовищно странно! Начать с теней, которые не состоят из вещества.
И все же предположим, что нечто или некто приходит, чтобы забрать его обратно.

Что приходит или кто, и почему?
Кто приходит?

КАМИЛЛА: Призрак Истины, так его называют...

КАССИЛЬДА: И кто, бледное дитя, кто это?

КАМИЛЛА: Я... Я не знаю.

КАССИЛЬДА: Тем более не знаю я или Таль, или Уот, или кто-либо ещё!
Давайте притворимся, Камилла, что он реален,
Этот твой Призрак, каким бы он ни был,
Он действительно есть. Теперь, это пугает тебя?
Но отчего же Камиллам этого мира бояться Истины?

КАМИЛЛА: Возможно, мне нечего бояться,
Но я по-прежнему боюсь;
Страх никогда не уступает разуму.

КАССИЛЬДА: Ну, так и быть, дитя; и поэтому
Я уступлю корону одному из них,
И покончу с этим беспокойством по-другому.
Каждое лекарство по-своему помогает.
Но приди и сделай выбор между братьями.
Они так же не похожи друг на друга,
Как ночь и день, как свет и тьма,
Или как самое скверное и самое красивое.
Мне было бы приятно видеть вашу свадьбу
И чтобы всё происходило, как у нас принято.
По крайней мере, «это было бы чем-то новым»
Среди всего этого однообразия,
Что длится день за днём.

УОТ: Мудрое предложение.
Приди, Камилла, выбирай!

ТАЛЬ: Да, выбирай, Камилла!
Хотя это не самый последний момент,
Чтобы принять решение...

КАМИЛЛА (игнорируя их назойливость):
О, Мама, сегодня на старых улицах
Действительно появилось что-то новое;
Нам не нужно бракосочетание,
Чтоб облегчить скучную жизнь в мрачном Хастуре.
Именно это я пришла сказать вам

В тот момент, когда вы начали свою старую ссору.

КАССИЛЬДА: И что там нового, дитя?

КАМИЛЛА: По нашим улицам гуляет незнакомец.

КАССИЛЬДА: Скажи, ты в порядке? Клянусь живыми богами, Вы слышите, мои принцы?...
Не может правдой это быть, Камилла,
Ползучие туманы Хали смущают твои глаза
Или сбивают с толку твой бедный ум:
Я знаю каждое лицо в унылом Хастуре,
И среди них нет ни одного нового.
Как думаешь, сколько мириад лиц
Во всём этом утомлённом мире, дитя моё?
Несметное число, и я знаю их всех...

КАМИЛЛА: Да, мама, но это лицо новое, по крайней мере, для меня, Новое в Хастуре, это правда.

КАССИЛЬДА: Никто в наши дни не выходит
На мрачные улицы, кроме водителя катафалка;
Люди, имеющие хоть какое-то здравомыслие,
Теперь прячут свои лица даже от самих себя
И отворачивают зеркала к стенам
Из страха перед тем, что они видят...

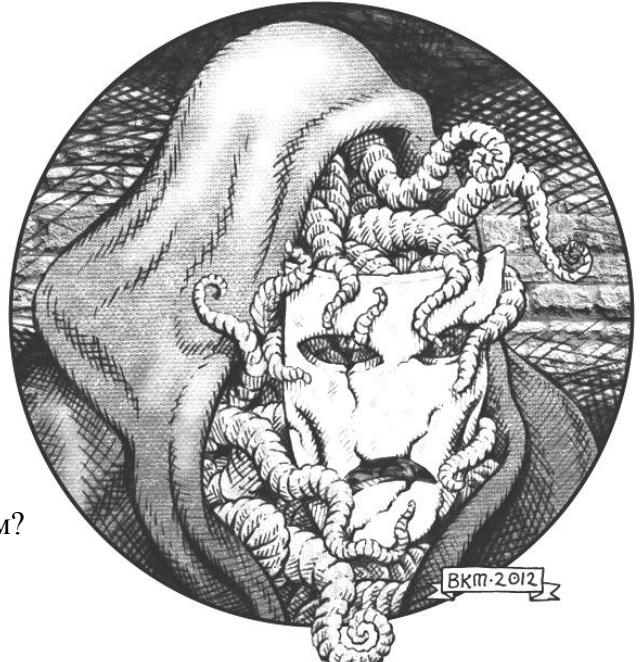
КАМИЛЛА: Но дело в том, что
Незнакомец скрывает своё лицо,
Гуляя по нашим унылым улицам.

КАССИЛЬДА: Что же, он скрывается под капюшоном?
Или под вуалью?

КАМИЛЛА: Ни то, ни другое, мама.
Он носит другое лицо.
Бледную маску, бледнее туманов,
Белую, как страх; с лицом без выражения,
С пустыми нарисованными глазами.

КАССИЛЬДА: Да, это странно;
Весьма и весьма странно.
Как этот человек объясняет свою Бледную Маску?

КАМИЛЛА: Он ни с кем не разговаривает,
И нет таких смелых людей, чтобы заговорить с Ним.

КАССИЛЬДА: Хорошо, я увижу с ним, он станет говорить со мной,
Или я прикажу растянуть его на дыбе,
Пока этот скучный мир не стал на час старше.
И только после этого незнакомцу придётся снять маску.

УОТ (нетерпеливо): Теперь, мама, это просто самомнение...

ТАЛЬ: Это не имеет значения,
Просто пустяковый листок на древе времени.
Теперь вернёмся к нашей теме:
Если справедливая Камилла сделает свой выбор...

УОТ: Реанимируя наследство таким образом....
Возрождая Имперскую Династию...

КАССИЛЬДА (берёт корону со своих колен, с силой надевает её на голову):
Будут ещё другие часы и времена,
И ещё не родившиеся дни,
Когда мы будем думать об этом.
До тех пор у тебя будет мое правление, а у Хастура – Королева.
И городу не нужен никакой Король.
Камилла не хочет выбирать между своими братьями,
Поэтому и я не хочу. Пока нет.
Позовите ко мне Ноатальбу,
И отправьте кого-нибудь
За незнакомцем в Бледной Маске.

УОТ: Но посмотри!
Песчинки стекают по стеклу!
Само по себе время подходит к концу для всех нас.
В мрачном Хастуре не было Короля со времён Альдона...

КАССИЛЬДА: Не пересказывай эту избитую историю.
Я не хочу её слышать снова.
О, Последний Король!
Не рассказывай больше эту историю.
Я так устала от многих из вас.
Я вас всех предупреждаю, не говорите мне ничего больше.
У Хастура больше не будет другого Короля,
Пока не придёт править Король в Жёлтом!

*(Все потрясены и долго молчат. КАМИЛЛА уходит, за ней уходят УОТ и ТАЛЬ.
КАССИЛЬДА встаёт, подходит к парапету и опирается на балюстраду, измученная и задумчивая.)*

Сцена II

КАССИЛЬДА (поёт):

Облачные волны разбиваются о берег,
Два солнца-близнеца опускаются за озеро,
Тени удлиняются в Каркозе.
Странной является ночь, когда восходят чёрные звезды,
И странные луны в небе кружат,
Но более всего удивительна – Потерянная Каркоза.
Песни, которые будут петь Гиады
Там, где развеиваются лохмотья короля,
Должны умереть никем не услышанными в Мрачной Каркозе.
Песнь моей души, мой голос пропал,
Умри невоспетой, когда мои непролитые слёзы
Высохнут в Потерянной Каркозе.

(Входит РЕБЁНОК, у которого на пальцах много колец с бриллиантами, а на голове маленькая копия королевской короны).

РЕБЁНОК: Бабушка, Бабушка, расскажи мне сказку!

КАССИЛЬДА: Мне не хочется сейчас рассказывать сказки,
Ибо сказки содержат не правду, а ложь.
Сейчас у меня нет настроения для фальши.
Наступило время для истины.

РЕБЁНОК (угрожающе): Бабушка?

КАССИЛЬДА: Если так нужно, тогда слушай...

РЕБЁНОК: Так-то лучше.

КАССИЛЬДА: Однажды, в смутные дни
Среди бескрайнего Гондваналенда
Появились два одинаковых озера,
И нечеловеческий голос дал им названия:
Первому – великое Дехме, другому – имя пророка.
А может быть, эти названия появились в наши дни.
Ибо век за веком их поверхность оставалась незамеченной
Ни рыбьим глазом, ни глазом нерождённого человека,
Хотя слепые рыбы кружились в воде и опускались на дно.
Разные миры появлялись и исчезали,
И в один прекрасный день возле озера Хали появился город,
Словно рука забывчивого бога бросила его на берегу.

(Два солнца-близнеца медленно опускаются за озеро. Появляются Гиады, из-за тумана их образы выглядят размытыми).

РЕБЁНОК: Это не сказка, а история.

КАССИЛЬДА: Это единственная сказка, которую я знаю.

Наступило время для истины.

Если будешь вести себя тихо, я расскажу тебе

Оставшуюся часть истории, записанную в рунах.

РЕБЁНОК: Мне не позволяет знать, что в рунах.

КАССИЛЬДА: Теперь это не имеет значения. Но продолжим:

На столпах из четырёх особенностей был построен этот город.

Первая – город возник за одно утро.

Вторая – странное обстоятельство: никто не мог сказать,

Находится ли город на волнах или на дальнем берегу,

Никто не мог ясно разглядеть это.

Третья – одно из чудес этого города заключалось в следующем:

Его башни, казалось, пронзали восходящую луну, как копья – фрукты.

Продолжать дальше или ты уже поражён?

РЕБЁНОК: Но я уже знаю то, что ты рассказываешь.

КАССИЛЬДА: Несчастный принц!

Но сейчас тебе хорошо известно

Как этот город получил своё название.

В тот момент, когда человек смотрел на город,

Истинное и единственное название города приходило ему в голову.

Нет больше ничего, что может носить такое название.

Нет сомнений в том, что и другое имя ему не подходит.

РЕБЁНОК: Каркоза.

КАССИЛЬДА: Да, даже в наши дни.

И после того, как прошли бесчисленные годы,

Люди ушли от богов и направились неведомо куда,

И построили грубые и неуместные хижины

Напротив тенистых волн озера Хали.

Среди этих людей появился один,

Который принял царскую корону,

Завоевал уважение среди своих,

И стал скучать, пока остальные

Преклоняли перед ним колени.

Его знаменитое имя тебе известно.

РЕБЁНОК: Это был мой дед?

КАССИЛЬДА: Он был одним из них.

РЕБЁНОК: Это великий Альдон?

КАССИЛЬДА: Да, он, несколько веков назад.

Он решил, что это место должно носить название Хастур.

Короли этого города отныне берут себе имя Альдон.

Он пообещал: если все суверены на его троне

Будут поддерживать королевскую линию в целости и сохранности,

То бедный и грубый Хастур однажды

Может сравниться с величием Небесной Каркозы.

РЕБЁНОК: Спасибо, Бабушка. Я услышал достаточно...

КАССИЛЬДА: Нет, не достаточно: и вот в ту ночь

Кто-то, кажется, услышал неосторожные слова Альдона.

Дитя, ты просил сказку, и должен теперь дослушать её...

РЕБЁНОК: Мне нужно идти...

КАССИЛЬДА (закрыв глаза): И в ту самую ночь

Твой предок нашёл Жёлтый Знак...

(*РЕБЁНОК убегает с балкона. Входит НОАТАЛЬБА*).

НОАТАЛЬБА: Моя Королева.

КАССИЛЬДА: Добрый жрец.

НОАТАЛЬБА: Но вы забыли рассказать

Маленькому принцу о пятой особенности.

Пятой и последней.

КАССИЛЬДА: А вы, как я понимаю,

Всё так же шпионите, и это неизлечимо.

Что ж, я не удивлена.

Жрецы должны знать всевозможные секреты,

А как ещё можно выведать их, кроме как

Прилагая ухо к замочным скважинам?

НОАТАЛЬБА: И какова же последняя особенность?

КАССИЛЬДА: Не бойтесь, о жрец!

Никто не был настолько глуп,

Чтобы рассказывать Тайну Гиад простому ребёнку.

НОАТАЛЬБА: Нет, но вы думали об этом,
Моя леди Королева.

КАССИЛЬДА: Почему все приписывают философию
Бедной Кассильде – это ещё одна тайна!
Мои мысли немногочисленны и поверхностны, сир;
Они не так глубоки. Только тени наших мыслей
Обычно удлиняются после обеда. А сумерки – это сумерки.

НОАТАЛЬБА: Долгие мысли отбрасывают длинные тени,
Как утром, так и в середине дня, о Королева.

КАССИЛЬДА: И отсутствие новостей – тоже новость.
Хорошо, жрец,
Похороните меня под своими банальными речами,
И присоединитесь к голосам моих сыновей,
Которые больше ничем не занимались в последний час.
Далее вы будете причитать о Короне или о Династии.

НОАТАЛЬБА: Честно говоря,
Ни о чём подобном я и не думал, о Королева.

КАССИЛЬДА: Хорошая должность, ни о чём не надо думать!

НОАТАЛЬБА: Приятно слышать ваш юмор, мадам;
Тем не менее, у меня есть важные новости...

КАССИЛЬДА: О незнакомце в Бледной Маске?

НОАТАЛЬБА: Вы уже слышали о нём; что ж, хорошо,
Тогда я буду краток, как смогу.
Думаю, вам не следует встречаться с этим человеком,
Если он вообще человек.

КАССИЛЬДА (смеётся): Никто не может помешать мне, жрец!
О Ноатальба, подумай, неужели я откажусь
Увидеть что-то новое, впервые за эти годы,
Эти долгие годы, превратившиеся в пыль?
По правде говоря, даже если бы он оказался
Каким-то хитрым убийцей с ножом, жаждущим крови,
Я бы позволила ему войти, лишь бы взглянуть на его лицо.
Лицо, которое я никогда не видела.
Пусть будет так!
Боюсь, хладнокровный жрец, ты мало знаешь о своей Королеве.

НОАТАЛЬБА: Я знаю вас лучше, чем вы сами.

КАССИЛЬДА: И нет ничего более определённого, чем смерть и.... боги!
Банальности! Я тону в их море;
Они засасывают меня в пучину скуки.
И почему бы мне не увидеть этого человека?
Ведь он всего лишь человек.

(Некоторое время оба молчат).

КАССИЛЬДА: Плохой шпион, тогда, могу сказать я,
Носить маску – слишком подозрительно.
И если уж на то пошло, чего Алар о нас ещё не знает?
Ведь нам о нём известно всё.
Вот почему наша война зашла в тупик.
Ни тот, ни другой город не может
Воспользоваться преимуществом неожиданности.
Ах, я!
Каждый знает всё, что нужно знать.
Да, если бы даже один камень упал со стены Алара,
И я бы не знала о том, что он упал,
Эта утомительная война закончилась бы полным сюрпризом.
И бедный Альдон не лучше, чем я.
Этот человек знает меня так же, как я его –
Каждый волосок, кусочек кожи, каждую морщину, бородавку и вену!
Увлечённые этим знакомством,
Мы умрем медленно, сгорбившись, в нашей гробнице на двоих,
Измеряя волосы и ногти друг у друга
В надежде на какое-то преимущество даже в смерти.
Зачем ему посыпать шпиона?
Он посадил троих из них в моё чрево:
И дал мне препирающийся, скучный выводок детей.
Ноатальба, как бы я хотела сказать своему мужу
То, чего он еще не знает.
Он умрёт от простой радости, и тогда Алар
Утонет в своём озере, а мы – в нашем!

НОАТАЛЬБА: Вы сильнее цените новизну, чем я, моя Королева.
Мне кажется, что это слабость в каком-то роде...
Но по мне, это существо в Бледной Маске,
Может быть, вовсе и не шпион;
Я не говорю это наверняка,
Он может быть шпионом лишь «в лучшем случае».

КАССИЛЬДА: Тогда, жрец, говорите остальное.

А в худшем случае?

НОАТАЛЬБА: В худшем случае, мадам, это существо
Может оказаться Призраком Истины,
Только призраки могут ходить
По нашим улицам в белых одеждах.

КАССИЛЬДА (медленно): Итак, настал тот самый момент?
Понятно.

Значит, я поступила мудро и мудрее мудрого,
Прервав династию, и это странно.
Я не часто поступаю мудро, ты видишь.
Ну, что ж, вполне можно доказать, что любой конец –
Это хороший конец... если это конец.
Но, Ноатальба... Ноатальба.

НОАТАЛЬБА: Говорите.

КАССИЛЬДА: Ты же видишь, что я ещё не нашла Жёлтый Знак.

